

Е. О. Буссе.

О НАРОДНЫХЪ ГОВОРАХЪ
ВЪ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1898 г.

Непрежѣнный Секретарь Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. III-ій (1898 г.), кн. 4-ой, стран. 1273—1330.

О народныхъ говорахъ въ Тульской губерніи.

Подъ этимъ заглавіемъ я помѣщаю краткое обозрѣніе фонетики тѣхъ народныхъ говоровъ, съ которыми я успѣлъ познакомиться во время своей послѣдней поѣздки лѣтомъ 1897 года въ Тульскую губернію, а также тѣ матеріалы, которые собраны мною за это время въ предѣлахъ Тульской губерніи. Прежде всего замѣчу, что я во время пребыванія своего въ Тульской губерніи дѣлалъ экскурсіи и въ смежные уѣзды Калужской губерніи, такъ какъ, будучи заинтересованъ фонетикой народнаго говора въ нѣкоторыхъ частяхъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи, я желалъ выяснитъ себѣ вопросъ о томъ, на какомъ пространствѣ слышится интересующій меня говоръ Бѣлевскаго уѣзда. Собранные мною матеріалы дали мнѣ возможность придти къ слѣдующему заключенію: на *известномъ* мнѣ пространствѣ Тульской губерніи и смежныхъ частей Калужской мы имѣемъ дѣло съ говорами, которые распадаются на *три группы*.

Къ *первой группѣ* я отношу говоры, которымъ известно малорусское *е*, не смягчающее предшествующей согласной, а также средній малорусскій звукъ *и* (*ы*) съ той же особенностью ¹⁾. Эта группа говоровъ, представляя изъ себя въ своей фонетикѣ сочетаніе элементовъ малорусской и южновеликорусской фонетики съ известнымъ *аканьемъ*, выдѣлена мною особо и составила предметъ другой статьи, напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности» Академіи Наукъ за 1898-й годъ.

1) Слово «малорусскій» употребляется здѣсь мною не въ смыслѣ этнографическомъ, конечно, а въ смыслѣ фонетическомъ.

(Т. III, кн. 3-ья). Эти говоры слышатся, начиная от центральной части Бѣлевскаго уѣзда, отъ с. Манаѣнокъ, по направленію къ западу черезъ с.с. и деревни: Кузьмѣнки, Спасская, Песковатое, Лихвище, далѣе — вступаютъ въ предѣлы нынѣшней Калужской губерніи и идутъ черезъ смежныя узкія части Лихвинскаго и Козельскаго уѣздовъ, распространяются въ Жиздринскій уѣздъ черезъ села и деревни: Дѣлбино (Лихв. у.), Побужъ (Лихв. у.), Вѣйно (Козельск. у.), Грынь (Козельск. у.), Желѣзница (Козельск. у.), Малѣевка (Жиздр. у.) и Долина (Жиздр. у.). Я не имѣлъ возможности за эту поѣздку опредѣлить, насколько широка и длинна полоса этихъ говоровъ, такъ какъ для этого потребовались бы поѣздки и въ глубь Калужской губерніи и въ смежныя уѣзды Орловской губерніи, такъ что въ настоящее время можетъ быть лишь намѣченъ новый интересный вопросъ для науки, по рѣшенію этого вопроса еще принадлежитъ будущему. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время является необходимымъ рѣшить и изслѣдовать слѣдующій вопросъ: распространяется-ли говоръ, извѣстный въ селѣ Манаѣнкахъ (= Мананкахъ) Бѣлевскаго уѣзда Тульской губерніи, и въ Орловскую губернію, занимая Болховской уѣздъ, часть Мценскаго, Карачевскій и часть Брянскаго, или въ этихъ мѣстахъ Орловской губерніи мы не услышимъ малорусскихъ гласныхъ звуковъ; далѣе, — доходить-ли этотъ говоръ въ Калужской губерніи до Козельска, Сухинича, или до Жиздры въ направленіи съ юга на сѣверъ, занимая лишь узкое пространство, пограничное съ Орловской губерніей? Всѣ эти вопросы остаются пока для меня не разъясненными. Я не могъ быть и въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, хотя, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ Новосильскомъ уѣздѣ говорятъ «подобно Мананкамъ». Въ такомъ случаѣ область интересующаго насъ говора значительно расширилась бы. Такимъ образомъ, ближайшей нашей задачей въ изученіи южновеликорусскихъ говоровъ надо считать теперь изученіе сопредѣльныхъ частей Тульской, Орловской и Калужской губерній въ діалектологическомъ отношеніи.

Важность этой задачи не подлежит сомнѣнію: въ группѣ говоровъ, описанныхъ мною въ статьѣ подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ»¹⁾, мы имѣемъ *образцы переходныхъ говоровъ* отъ южновеликорусскаго къ малорусскому. Такая группа говоровъ должна была существовать уже давно, и мы раньше объ ней ничего не знали по печатнымъ трудамъ. Вопросъ только въ томъ, заключаютъ ли эти говоры въ себѣ признаки древности этимъ сочетаніемъ малорусскихъ и южновеликорусскихъ элементовъ фонетики, или такое сочетаніе есть результатъ болѣе позднихъ взаимныхъ вліяній?...

На мой взглядъ, рѣшеніе этого вопроса еще впереди: намъ надо изслѣдовать говоры смежныхъ съ Орловской губерніей уѣздовъ Черниговской и Курской губерній. Каковъ говоръ Трубчевскаго уѣзда? Какъ говорятъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ? Если бы мы нашли малорусскіе гласные въ длинной и большой полосѣ южновеликорусскихъ говоровъ, то мы, по моему мнѣнію, должны бы были считать эти говоры *весьма древними* изъ говоровъ центральной Россіи. Мы имѣли бы тогда доказательства распространенія малорусской народности по направленію къ сѣверо-востоку изъ земель, опустошенныхъ и покоренныхъ татарскими полчищами, занявшими Кіевъ съ его областью и заставившими туземцевъ двинуться на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ изслѣдованіе нарѣчій и говоровъ могло бы собою восполнить тѣ пробѣлы, которые образовались въ нашихъ свѣдѣніяхъ по вопросу о распространеніи южнорусской народности и поэзіи на сѣверъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка ему были извѣстны звуки гласные *е* и *и*, не смягчающіе предшествующихъ согласныхъ, но, какъ показали изслѣдованія въ области русской фонетики²⁾, эта эпоха жизни русскаго

1) Изв. Отдѣленія р. яз. и слов. 1898 г. Т. III. Кн. 3.

2) См. Шахматова. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Изв. Отд. р. яз. и слов. 1896 г. Т. I, кн. 4, стр. 731, 733, 726, 720, 717.

языка должна быть отодвинута ко времени, предшествующему выдѣленію изъ общерусскаго языка отдѣльныхъ его нарѣчій. Слѣдовательно, въ современномъ намъ говорѣ с. Мананокъ Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстъ (Лихв. у., Козельск. у., Жиздр. у.) Калужской губерніи съ ихъ южнорусскими несмягчающими гласными мы можемъ усматривать элементы лишь болѣе поздняго происхожденія, именно, какъ я думаю, — слѣды тѣхъ особенностей, которыя характеризовали собой южнорусскіе говоры уже во время и послѣ татарскаго нашествія.

Ко второй группѣ говоровъ въ Тульской губерніи я отношу тѣ говоры, которые слышатся *на всемъ пространствѣ Тульской губерніи*, кромѣ вышеназванныхъ мѣстъ Бѣлевскаго уѣзда и кромѣ говоровъ юго-восточной части Богородицкаго уѣзда. Въ этой части Богородицкаго уѣзда помѣщаются нынѣ говоры, которые я отношу *къ третьей группѣ* по ихъ фонетическимъ признакамъ.

Вторая группа говоровъ Тульской губерніи можетъ быть охарактеризована слѣдующими данными: южновеликорусское *аканье* (но не *рязанское*: тул.: дирѣвня, Це¹тробѣжки, дѣ¹ичькѣ, виньчѣнѣ, де¹йли, ре¹бѣшка, зе¹мьлѣ, ме¹ста, къ је¹мѣ, уме¹рла, свяшшѣльникъ, зѣ¹се¹уда, жы¹нѣхъ; но: двѣ¹нѣтъ, Натѣ¹ля Стѣ¹панна, чѣ¹тыри, зѣ¹плѣтѣ, вѣ¹рсты, плѣ¹тѣца, вѣ¹ршѣчки, събѣ¹рѣца, мяшѣють, прѣ¹дѣть, тянѣть, смяѣтѣца, лѣ¹карства, лѣ¹жѣ и проч. Примѣры взяты изъ Епиф., Крапив., Одоев., Бѣлев., Ефремов., Богородиц. уѣздовъ. Рязанскій говоръ во всѣхъ этихъ примѣрахъ, въ южной и юго-западной части губерніи, будетъ представлять *чистое я* (‘а) въ слогѣ передъ ударяемымъ). Это *аканье*, какъ видно изъ приведенныхъ въ скобкахъ примѣровъ, нельзя назвать *полнымъ* или *сильнымъ*; и *такого аканья на всемъ пространствѣ Тульской губерніи*, не выключая Каширскій уѣздъ, съ уроженцемъ котораго я имѣлъ случай подолгу бесѣдовать во время своего пребыванія въ Тульской губерніи. Далѣе, эту вторую группу говоровъ надо характеризовать еще звукомъ *γ*, который *единственно* извѣстенъ всѣмъ этимъ говорамъ; затѣмъ, — 3-е лицо ед. и мн. ч. глаголовъ въ нихъ оканчивается на *-ть*

или вовсе не имѣть окончанія, и тогда появляются фонетически обычные формы: ска́жа, умѣ́я, хо́ча, быва́я; очень рѣдко: у́вва́ря—3 л. мн. ч.¹⁾, приде́—3 л. ед. ч., уа́ри—3 л. ед. ч. и под., какъ увидимъ ниже изъ примѣровъ и образцовъ народной рѣчи. Далѣе, — звукъ *ʃ* неизвѣстенъ этимъ говорамъ, и вмѣсто него мы слышимъ постоянно или *x*, или *xʃ*, рѣже — *xv*. Наконецъ, всѣ эти говоры должны характеризоваться неслоговымъ *y* (ǃ), которое почти всегда слышится вмѣсто звука *o* (*ʃ*); мѣстами, какъ увидимъ на примѣрахъ, звукъ *o* (*o* мягкое) или *ʃ* (*ʃ* мягкое) слышится, какъ неслоговое *ǃ* (ǃ—латин.), вмѣсто котораго въ извѣстныхъ мѣъ рязанскихъ говорахъ мы имѣемъ звукъ *j*, въ говорахъ рязанскихъ заокской группы. Такой звукъ *ǃ* мы находимъ въ Крапив. уѣздѣ (напр., с. При́шня), въ Одоев. у. (дер. Ры́лово), въ Бѣлев. у. (с. Варварино), въ Богород. у. (дер. Лопуховка), въ Лихв. у. Калуж. губ. (дер. Ры́лово). Въ мѣстоименныхъ формахъ отмѣтимъ: *табѣ*, *сабѣ*²⁾, *y ме'не*³⁾, *y мя*⁴⁾, *си* вм. *ся* при глаголахъ, но всѣ эти формы встрѣчаются не исключительно, а рядомъ съ другими, обыкновенными для литературнаго произношенія, какъ увидимъ на примѣрахъ.

Звукъ *к'* (*к* мягкое) слышится въ говорахъ Крапивенскаго, Одоевскаго, Бѣлевскаго, частью Богородицкаго, Епифанскаго и Тульскаго уѣздовъ въ положеніи *послѣ мякаго* звука, но не всегда: махотѣчка, крючкѣмъ, маинькѣй и под. при: дѣѣчка, дѣѣшничку и проч.

Звукъ *γ* въ окончаніи -го именъ прилагательныхъ и мѣстоименій я слышалъ только въ Епифанскомъ уѣздѣ (дер. Урванка) и Богородицкомъ уѣздѣ (с. Непрядево и прилежащая волость).

Звукъ *e*, а не *ѣ*, въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ въ родѣ *пойде́тъ* (произн. «пайдѣтъ») слышится чаще всего въ Богородицкомъ уѣздѣ, въ Непрядевской волости (с.с. Непрядево, Малѣвка и др.).

1) С. При́шня, Крапив. уѣзда.

2) С. Лѣвинское, Одоев. у.

3) С. Малѣвка, Богор. у.

4) С. Павловъ Хуторъ, Ефремов. у. С. Малѣвка, Богор. у. и друг.

Звуки *жж* и *шш* разной мягкости вмѣсто *жд* и *ш* литературнаго произношенія слышатся *повсюду, во всей этой группѣ говоровъ*.

Остальныя, болѣе мелкія, особенности говоровъ этой группы будутъ отмѣчены въ образцахъ народной рѣчи и приводимыхъ ниже матеріалахъ для характеристики этой группы говоровъ Тульской губерніи.

Сводя всѣ эти данныя для характеристики говоровъ второй группы вмѣстѣ, мы видимъ въ нихъ всѣ признаки южновеликорусскихъ говоровъ съ «неполнымъ» однако аканьемъ, проведеннымъ не такъ строго здѣсь, какъ въ рязанскихъ говорахъ на юго-западѣ Рязанской губерніи.

По отношенію къ аканью Тульскихъ говоровъ нельзя даже сказать, чтобы оно было совершенно такимъ, какое мы встрѣчаемъ въ Обоянскомъ говорѣ Курской губ., въ Ельнинскихъ и Мосальскихъ говорахъ Смоленской и Калужской губерній ¹⁾, хотя аканье вышеназванныхъ говоровъ Тульской губерніи и близко къ аканью, изслѣдованному А. А. Шахматовымъ ²⁾.

Теперь я приведу названія всѣхъ тѣхъ мѣстностей, говоръ которыхъ я записывалъ и отношу *ко второй группѣ*, т. е. говоръ которыхъ охарактеризованъ мною выше въ этой статьѣ.

Въ Тульскомъ уѣздѣ я записывалъ (въ г. Тулѣ) говоръ тульской неграмотной мѣщанки; въ *Крапивенскомъ уѣздѣ* — говоръ: дер. Орлова, дер. Хатуйка, Ясенки, Захаровка, с. Пришня, дер. Московскіе Выселки, г. Крапивна (мѣщанскій), Казачья Слобода, Пушкарская Слобода, Жилая Слобода, Московская Слобода, — всѣ эти слободы подгороднія; с. Драгуны, дер. Давыловка, дер. Чураковскіе Выселки, дер. Кучина, дер. Драгуны, дер. Малинка, с. Архангельское; въ *Одоевскомъ уѣздѣ* — говоръ: с. Лѣвинское, с. Дряпль, дер. Дорогонка, с. Павловское, гор. Одоевъ (мѣщанка Королькова), с. Анастасово, дер. Какурино, дер. Зибрава, с. Наль-

1) Шахматовъ. Зв. особенности Ельн. и Мосальск. говоровъ. Р. Ф. В. 1896. № 3 и 4, стр. 62 и слѣд.

2) Р. Ф. В. *ibid.*, стр. 64 и слѣд.

палась, с. Сѣмово, дер. Рылово, дер. Богдановка; *въ Бѣлевскомъ уездѣ*—говоръ: дер. Мрѣшынки, с. Лихвищи (частью; см. говоры первой группы), дер. Ромны, гор. Бѣлевъ (мѣщанскій), дер. Бесѣдина, с. Давыдово, с. Снѣхово, с. Иваново Снѣховской волости, (имѣніе К. Д. Кавелина), дер. Захарово Бобровской волости, с. Рудино, дер. Ивановка Кармановской волости, с. Ивановка Валѣцкой волости, с. Болото, с. Варварино; *въ Чернскомъ уездѣ*—говоръ: с. Хитрово; *въ Богородицкомъ уездѣ*—говоръ: с. Огарѣво, дер. Борисовка, с. Непрядево, с. Никитское, дер. Пруды (частью; см. говоры 3-ей группы), с. Малѣвка, дер. Набережная, дер. Лопуховка, с. Колѣменское, с. Папоротки, дер. Филиповка, дер. Ляпунѣвка, с. Любимовка, дер. Масальцы, дер. Турдѣй, с. Корѣвинка (частью, см. говоры 3-ей группы); с. Дѣдлово; *въ Ефремовскомъ уездѣ*—говоръ: с. Пѣвловъ Хуторъ, дер. Моховая; *въ Епифанскомъ уездѣ*—говоръ: дер. Урванка, с. Ивановское.

Въ Калужской губерніи, въ Лихвинскомъ уездѣ—говоръ: дер. Свинная, с. Дѣлбино (частью, см. говоры первой группы), дер. Рылово, с. Сѣтичи.

Вотъ всѣ мѣстности, говоръ которыхъ мнѣ извѣстенъ и относится мною къ говору одной группы, названной мною въ порядкѣ моего разсмотрѣнія *второю* группою.

Говоры *первой* группы слышатся въ слѣдующихъ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ: *въ Бѣлевскомъ уездѣ*: с.с. Мананки, Кузьменки, Лихвищи (частью), дер. Спасская; *въ Лихвинскомъ уездѣ* (Калуж. губ.): с. Дѣлбино (частью), с. Побужъ; *въ Козельскомъ уездѣ* (Калуж. губ.): с. Вѣйно, дер. Грынь, дер. Желѣзница; *въ Жиздринскомъ уездѣ* (Калуж. губ.): с. Малѣвка, дер. Долина.

Наконецъ, говоры, которые я отношу въ порядкѣ моего разсмотрѣнія къ *третьей* группѣ, всѣ найдены мною *въ Богородицкомъ уездѣ* въ слѣдующихъ мѣстахъ: с. Ростѣво, дер. Богоявленка, с. Новгородское, дер. Сѣтка, дер. Дуплище (Любимовской волости), дер. Пруды (Непрядевской волости) и частью с. Никитское. Въ трехъ послѣднихъ мѣстахъ замѣчается не строго выдержанныя особенности фонетики с. Ростѣва, дер.

Богоявлѣнки, села Новгородскаго и дер. Сѣтки, причемъ с. Никѣтское отличается наименѣе выдержанной фонетикой говоровъ этой группы. Всѣ эти говоры помѣщаются въ юго-восточной части Богородицкаго уѣзда.

Невольно обращаютъ на себя вниманіе названія: Ростово и Новгородское, послѣ того какъ слушаешь говоръ крестьянъ этихъ мѣстностей, хотя послѣднее названіе и звучитъ въ устахъ народа такъ, что въ этихъ звукахъ нельзя и слышать какого-либо намека на Новгородъ, а на картѣ значитъ: «Новгородское», такъ-же называется это село и мѣстная интеллигенція и полиція; народъ же произноситъ: «Нѣгароцкѣя».

Вся эта группа говоровъ характеризуется слѣдующими признаками: умѣреннымъ *аканьемъ* (почти Московскимъ), звукомъ *з* (а не *γ*) и окончаніемъ 3-го лица ед. и мн. ч. глаголовъ — *тз* (а не *-ть*); кромѣ этого, какъ будетъ видно ниже, мы здѣсь иногда встрѣчаемъ *стяженные формы глаголовъ* на *-аш* вм. *-аеш*, *-ат* вм. *-ает*: падѣльш—2 л. ед. ч., дѣргѣт—3 л. ед. ч. (дер. Богоявлѣнка). Къ числу особенностей, именно, этой группы слѣдуетъ отнести также два слѣдующихъ фонетическихъ явленія: вмѣсто мягкаго *к* мягкое *т* въ такихъ формахъ, какъ: Бѣгавлѣнстіи, из Бѣгавлѣнти и друг. (см. въ примѣрахъ ниже), а также—смягченіе *к* въ *ц* въ падежныхъ формахъ: не только «в Бѣгавлѣнци» (*ц* мягкое, мѣстн. пад. ед. ч. = «въ Богоявлѣнкѣ»), но и: «из Бѣгавлѣнци» (*ц* мягкое, род. пад. ед. ч. = «изъ Богоявлѣнки»¹).

Какъ общее фонетическое явленіе въ говорахъ второй и третьей группы, слѣдуетъ также отмѣтить употребленіе звука *ц* вмѣсто *с* между согласными по бокамъ звука *с* или между гласной и согласной: руп цѣракъ (=рубль сорокъ) дер. Свинѣя, Лихв. у., Калуж. губ.; рѣцкой, па-рѣцки вм. русскій, по-русски — повсемѣстно; эта особенность распространена очень въ с. Малѣвкѣ

1) Отмѣченное Соболевскимъ въ «Опытѣ р. діалектологіи» 1897 г. на стр. 17, на основаніи Этнографич. Сборника (II, 94), смягченіе: на парѣзи, въ кабацѣ... въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульск. губерніи мнѣ нигдѣ болѣе не попалось, а въ Новосильск. у. я не былъ.

Богор. уѣзда, жители которой называютъ себя: «Малѣѣцкими», «Малѣѣцкая»; но это же мы встрѣчаемъ и въ с. Ростовѣ Богор. уѣзда: «Растѣѣцкая». Срв. съ этимъ обратное явленіе въ говорѣ первой группы (гдѣ есть *e* малорусское): душѣса, атѣс... = душица, отецъ... с. Манаѣнки, Бѣлев. у., Тульск. губ. Далѣе отмѣчу, что во многихъ отношеніяхъ говоръ с. Малѣвки Богород. у. Тульской губерніи представляетъ, сравнительно съ другими говорами этой же группы, особенный интересъ, раздѣляя вмѣстѣ съ типичными говорами Рязанской губерніи особенности южновеликорусской фонетики послѣднихъ.

Такъ, здѣсь мы видимъ особенно частое произношеніе *e* вм. *ѣ* подъ удареніемъ въ глагольных формахъ: растѣтъ — 3 л. ед. ч., жѣтъ — 3 л., ед. ч., пабѣтъ — 3 ед.; но и въ с. *Никитскомъ* и въ друг. мѣстахъ: зачнѣтъ — 3 л. ед. ч. и под.

Здѣсь же часты формы *табѣ*, *сабѣ*; наконецъ, мнѣ встрѣтилось въ с. Малѣвкѣ произношеніе: «у ней мѣтери нѣту», изъ котораго видно, что этому говору извѣстенъ звукъ *e*, не смягчающій предшествующей согласной. Но этотъ звукъ здѣсь, очевидно, уже вымираетъ, какъ будетъ видно на примѣрахъ. Отмѣтимъ также во второй группѣ говорѣ произношеніе «тѣвѣтъ» — Крапив. у. с. Драгуны и друг. при «квѣточикъ» — с. Лихвищи Бѣлев. у. (въ пѣснѣ). Дифтонгическія сочетанія: пѣшутъ сахѣю — с. Драгуны, Крапив. у.; схѣдишъ тудѣ — дер. Данѣловка Крапив. у. Во всѣхъ названныхъ только что мѣстностяхъ (с. Драгуны, д. Данѣловка, с. Лихвищи) прорывается въ рѣчи звукъ *e*, не смягчающій предшествующей согласной, въ отдѣльныхъ словахъ: дѣньѣи, тѣпѣр, дѣрѣѣня — с. Драгуны, д. Данѣловка — Крапив. у., но, видно, что прежній фонетическій складъ, старое произношеніе сильно уже измѣнено въ послѣднее время, вѣроятно, подъ вліяніемъ помѣщичьихъ переселеній. Дѣйствительно, почти вся Тульская губернія представляетъ изъ себя гнѣздо помѣщиковъ, и въ ней гораздо рѣже встрѣчаешь государственныхъ крестьянъ, чѣмъ въ Ряз. губерніи.

Вообще надо признать, что исторія Тульского края невы-

годно отразилась на рѣчи мѣстнаго населенія: въ настоящее время мы видимъ лишь остатки какой-то такой рѣчи, которая съ теченіемъ времени постепенно разлагалась и видоизмѣнялась, утрачивая свою прежнюю опредѣленную фizioномію: присутствіе южнорусскихъ гласныхъ, подмѣчаемое въ Тульскихъ говорахъ то въ большей, то въ меньшей степени; кое-гдѣ встрѣчающіеся дифтонги, преобладающій звукъ γ , и мѣстности, которымъ этотъ звукъ вовсе не извѣстенъ, звукъ x , $x\phi$ вмѣсто ϕ и рядомъ этотъ послѣдній, единственно извѣстный въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, мягкое m въ 3 л. глаголовъ рядомъ съ твердымъ m тамъ, гдѣ слышно ϕ и z , — все это заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ разными наслоеніями, изъ которыхъ особенно выступаетъ впередъ, какъ элементъ, проникающій собой *остъ* говоры нынѣшней Тульской губерніи, — это *аканье* то довольно умѣренное, то сильное. Вслушиваясь въ рѣчь простолюдина здѣшней мѣстности, мы узнаемъ здѣсь и древнѣйшія особенности того нарѣчія, которое должно быть названо южновелико-бѣлорусскимъ, и того, которое пришло ему на смѣну въ этой области, развивши въ себѣ съ теченіемъ времени южновеликорусскіе элементы, затронутые въ слѣдующую эпоху южнорусскимъ вліяніемъ, отслоившимъ здѣсь свои особенности...

Въ прилагаемыхъ ниже матеріалахъ, собранныхъ мною во время поѣздки, я дамъ въ возможно точной фонетической транскрипціи образцы народной рѣчи почти изъ всѣхъ перечисленныхъ мною выше мѣстъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, образцы изъ которыхъ составили предметъ особой статьи, посвященной обзорѣнію говоровъ той группы, которую я называлъ *первою*. Я долженъ оговориться, что не буду помѣщать вторично также и тѣхъ записей, которыя внесены мною въ «Словарь», приложенный къ первой статьѣ, въ качествѣ оправдательныхъ примѣровъ при помѣщаемыхъ тамъ словахъ. Такимъ образомъ, сюда войдутъ не всѣ мои записи, а лишь неизвѣстныя изъ первой статьи и наиболѣе цѣнныя по своей величинѣ въ діалектологическомъ отношеніи, могущія служить для провѣрки сдѣланной выше харак-